

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

"RUSSIAN LIFE"

2438 SUTTER ST.

San Francisco 15, Calif.

Editor: WALnut 1-5381.

Office: WALnut 1-5380.

RUSSIAN LIFE

Daily Morning News Except
Sunday, Monday & Holidays

Entered as second class matter
Aug. 3, 1922, at the Post Office
at San Francisco, Calif., under
No. 402 of March 3, 1879.

VOL. XXXI.

№ 3147.

Суббота, 26-го июня 1954 года.

JUNE 26 1954.

COPY 15 C.

ТРАГЕДИЯ А. П. ЧЕХОВА

(К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО КОНЧИНЫ)

....«Мало вкусих меду и се аз умираю» мог бы сказать про себя А.П.Чехов.

Судьба в продолжении всей жизни отравляла Чехову все.

Детство с любящей матерью, любимой сестрой и любимым братом,—было отравлено непомерной суровостью отца.

Успехи его, как писателя отравлялись тяжелыми переживаниями при постановке его пьес.

Брак с любимой женщиной, был отравлен вынужденными разлуками.

А, когда любимая писательская деятельность принесла ему славу, болезнь неумолимо прервала его жизнь.

И все же не это было главной трагедией Чехова.

Об этой трагедии я скажу ниже, а теперь коснусь его творчества.

Часто можно было слышать, как Чехова сравнивали с художником Левитаном а вместе с тем более противоположных по существу трудно найти. У Левитана меланхолическая, мягкая примиренность, а Чехов весь горит в борьбе. Он мог бы сказать, как Сирано де Бержерак Ростана, что всю жизнь боролся со всеми пороками, которые видел вокруг себя.

В одном только Чехов, действительно имеет сходство с Левитаном, а именно в изображении природы. Тот же нежный колорит, то же лирическое настроение, та же порой сладостная печаль.

Чехова любят сравнивать и с Мопассаном. Безусловно по натуре эти два писателя имеют общее между собой. Известное духовное родство. И это отразилось на их произведениях. Они оба обладают умением создать шедевр из ничего, из какого-нибудь душевного или даже физического движения, из пустяка, из незаметного штриха. У них у обоих была исключительная прозорливость уловить трагическое в мелких чертах быта. И оба с беспощадной правдивостью описывали пошлость жизни. И еще связью между ними, было влияние на них обоих Тургенева. Оба учились у него мастерству. Это влияние сказалось, до некоторой степени, в их стиле, в композиции. У Мопассана сказалось это и в мотивах «воспоминаний», а у Чехова в мотивах «отъезда», так ярко звучащих во многих его произведениях, а особенно в пьесах. Но при всем этом между ними и большое различие, которое наложила на них их нацио-

нальность.

У Мопассана было, может быть, более блеска, прямой остроты, порой силы темперамента, а у Чехова больше глубины, проникновения, горького юмора. А, кроме того, у Мопассана, главным предметом в его творчестве все же является любовь, а у Чехова человеческая душа.

Творчество Чехова совершенно своеобразно.

В отношении его можно привести превосходную фразу Рильке, что «он боролся за мировую нежность против мировой грубости». Основная же линия творчества Чехова, как и у большинства русских писателей,—реалистична. В противоположность дальнейшим произведениям, первые вещи его жизнерадостны, оптимистичны и наполнены беззаботным смехом. Но вскоре уже начинают слышаться интонации трагизма.

У Чехова выработалась особая, экономная художественная манера. Он не описывает психологические черты своих героев. Он не чертит: ни обстоятельств их жизни, ни характеристики, а показывает людей в действии, в поступках. Иногда ему удается всего человека выявить в немногих строках. И, при этом, какая безыскусственность.

Чехов не любит патетических восклицаний, напора на воображение и чувствительность читателей. У него, какая то во всем благородная, сдержанность. Он с большой расчётливой скупостью пользуется художественными эффектами.

Даже самые страшные человеческие безумства Чехов, обычно, показывает, как бы в смеющемся зеркале, но сколько у него, при этом, скрытого сарказма. Чехов не может преодолеть критического отношения к окружающему.

Сознвая все томительное однообразие повседневной жизни, он окрашивает ее в пессимистический колорит.

В Чехове часто чувствуется беспощадная непримиримость его реализма.

В его глазах у большинства людей хорошие человеческие чувства искажены, являются в виде какой-то уродливой карикатуры. Он описывал людей с их лицемерной, лживой нравственностью, с их безграничным эгоизмом. Он открывал все их ничтожество. Показывал их страсть поступать только согласно со своей выгодой.

Проходят унылые вереницы: самодовольных тупиц, мрачных самодуров, ханжей, мелких тиранов, иногда людей таящих в себе не только зачатки пороков но даже преступлений.

Он рисует бездушных карьеристов, безжалостных скряг, циничных развратников, угодливых, льстивых рабов, доходящих до смертельного недуга при мысли, что они стали неугодны начальству.

Обличает бичует своим особым приемом пошлых, распутных, бессердечных женщин с их легкомыслием, болтливостью и пустотой.

Чехов не побоялся показать и некрасивые, непривлекательные черты крестьян. Их темноту, необычайную грубость, алчность, лукавство. Но в то же время он с сочувствием изображает их тяжелый, безысходный труд всю их безрадостную, часто кошмарную жизнь.

Описывая безотрадные стороны жизни, Чехов невольно сокрушается даже и о недостойных людях.

Но Чехов умеет ярко представить образы и других людей, образы бедных, забытых, измученных жизнью людей, не удачников, терпеливых тружеников, мечтателей, идеалистов, всех тех людей, в которых не угасла живое чувство, а так же и тех, кто способен на подвиги самоотверженности.

Особенно хорошо удаются ему скромные, незаметные герои, герои без трескучих фраз, без пышных слов, без театральных поз.

Умел Чехов в нежных пленительных тонах показать и русскую женщину с ее большой и трогательной душой. Они редки, эти женщины, но в них концентрируются все лучшие черты человечества.

А, как хороши дети у Чехова. То несчастные, доходящие до отчаяния в своей заброшенности, а иногда доходящие до невольного, даже не осознанного преступления.

То, беззаботная детвора с всей ее милой непосредственностью, свежестью чувств, безмятежной веселостью, со всем очарованием детства.

К любви Чехов относится критически. По его мнению, большинство людей любви не понимает. В лучшем случае в этом отношении отдаются беспредельному эгоцентрическому чувству, в худшем разменивают любовь на куплю—продажу. В любовных отношениях, может быть более чем где-либо, царят ложь, измена, пошлость. И это влияет на разобщение людей, на их скорбное одиночество.

Но и в этой области Чехов допускает исключения. И в таких случаях, какими сердечными, какими светлыми красками описывает он эту любовь.

Сам Чехов был человек душевного изящества, щедрый, порядочности, человек из сканной деликатности, обладавший исключительной отзывчивостью, одаренный гордым и стыдливым сердцем.

Но это сердце устало страдать, сострадательная душа утомилась, измучилась и Чеховым овладел великий трагизм отчаяния.

«Радость—это краткий миг удовлетворения желания, тогда как страдание есть постоянный спутник всей жизни, ибо присутствует в самом ее существе—воле, желании, стремлении, которые предполагают неудовлетворенность». Эти слова философа Шопенгауэра мог разделять Чехов.

И после всей тщеты человеческих усилий, в конечном итоге беспощадная смерть. И Чехов возмутился перед ожидающим «НИЧТО». Горькая мудрость Силена: «Лучше б тебе, человек, никогда не родиться», была близка Чехову.

Самая большая трагедия Чехова заключается в том, что у него была религиозная натура, а религиозности он был лишен.

Анти-религиозные натуры спокойно мирятся с отсутствием в них веры, но профинворение между тяготением духовного существа к религии и опровержение ее разсудком—это верх человеческой трагедии. И эту трагедию и переживал Чехов.

Чехов не знал, что трагизм дается человеческому духу, чтобы быть преодоленным. Ему было незнакомо последнее звено, которым земные явления прикованы к небу, а души к Богу.

Чехов был атеист. Но он не принадлежал к тем вульгарным, самодовольным атеистам, о которых так хорошо писал Гейне: «Но, когда я увидел, что всякое отречение на своем кабаком жаргоне принялось отрицать существование Бога....когда атеизм начал сильно пахнуть водкой и табаком, тогда вдруг глаза у меня открылись и моему атеизму, слава Богу, наступил конец.»

Чехов не был и тем ядовитым атеистом, которые с легкой руки знаменитого Лукреция, пропагандировали свою материалистическую доктрину,—во все времена и во всех странах разносят проказу своего материалистического учения.

Религиозная натура Чехова воспротивилась пропаганде атеизма. И напрасно Лев Шестов писал: «Он (т.е. Чехов) убивал человеческие надежды в продолжение 25-ти лет. С мрачным упорством, он только это и делал.»

Никогда и нигде не отравлял он ядом атеизма чужие души. Переживая свою трагедию, никогда не приобщал к своему неверию никого. Если Чехов показывал теневую сторону жизни, то он умел иногда показать и более отрадные явления.

Как И.С.Тургенев, будучи

неверующим, создал незабываемые религиозные образы и умел создавать удивительное религиозное настроение, так и Чехов с такой любовью писал о верующих людях, что умел читателей заставить проникнуться набожным настроением. И это ему зачтется.

А об остальном пусть будет по словам Гамлета: «Остальное—безмолвие.»

Александра Жернакова-Николаева.

«ОНО»